

Мирискаева Калисат Шахидовна

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ РЕВЕРБАЛИЗАЦИИ ТИПОВ МОДАЛЬНОСТИ,
ВЫРАЖАЕМЫХ ГЛАГОЛОМ САН, ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

В статье систематизируются способы перевода значений глагола сан на русский язык. В ней определены средства лексикализации модальных траекторий глагола сан в русском языке и проведены кросслингвистические сравнения его модальных значений с его "транслемами" на материале билингвального раздела Национального Корпуса Русского Языка. Результаты исследования показывают, что исходные модальные значения глагола сан реализуются в русском языке при помощи разноуровневых языковых единиц, относящихся к модально-функциональному полю возможности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. С. 141-146. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

CAUSATIVITY IN THE MIRROR OF COGNITIVE GRAMMAR OF THE ENGLISH CONSTRUCTIONS

Lepshokova Elizaveta Akhiyaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Karachi-Cherkess State University named after U. D. Aliev, Karachaevsk
lepshokova.e.a@mail.ru

Karasova Svetlana Yakh'yaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Tsekova Larisa Mukhamedovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North-Caucasian State Humanitarian and Technological Academy, Cherkessk

The article investigates the cognitive-semantic features and contexts of functioning of some predicates of the English language. As the contexts of these predicates functioning the authors consider a system of movement causation with the predicates of object-space direction, force, speech (verbal) and psychological influence, as well as the predicates of movement with adverbial semantics. The construction of movement causation covers all linguistic expressions, corresponding to its matrix semantic-syntactic scheme and implemented within a conventional script of causative-directive (complex) process.

Key words and phrases: causation of movement; predicates of English; verbal and psychological influence; semantics; cognitivity; agent argument; patient argument.

УДК 811.11

В статье систематизируются способы перевода значений глагола can на русский язык. В ней определены средства лексикализации модальных траекторий глагола can в русском языке и проведены кросслингвистические сравнения его модальных значений с его «транслемами» на материале билингвального раздела Национального Корпуса Русского Языка. Результаты исследования показывают, что исходные модальные значения глагола can реализуются в русском языке при помощи разноуровневых языковых единиц, относящихся к модально-функциональному полю возможности.

Ключевые слова и фразы: модальность; кросслингвистические модели лексикализации; лингвистическая типология; перевод; английский язык; русский язык.

Мирискаева Калисат Шахидовна
Пятигорский государственный университет
kalisat.miriskaeva@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ РЕВЕРБАЛИЗАЦИИ ТИПОВ МОДАЛЬНОСТИ, ВЫРАЖАЕМЫХ ГЛАГОЛОМ CAN, ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В данной статье определяются русские эквиваленты модального глагола *can*, производится их семантико-синтаксическая категоризация и системно описываются способы переводческих соответствий, которые возникают как на языковом, так и контекстно-связанном уровне. Мы исследуем переводческие корреляты, выражающие модальность, на материале параллельных текстов, представленных в Национальном Корпусе Русского Языка (НКРЯ) [3]. Нам представляется интересным выяснить, как значения глагола *can* моделируются лексико-семантически, синтаксически и прагматически в русском языке, существуют ли некоторые закономерности, которые определяют набор модальных маркеров в языке-цели при переводе.

Перевод определяется как вторичный текст, который находится в отношении эквивалентности к первичному тексту. Акт перевода включает в себя когнитивную переработку и ревербализацию текста языка-источника с учетом социально-культурного фрейма. Под переводом подразумевается сопоставление одного языка с другим языком [6, p. 312]. Для контрастивного билингвального описания должна использоваться одна и та же единица описания, «измерения» [4].

Когнитивно-семантической основой контрастивного анализа оказывается общность модальных сфер когнитивных пространств [1], объективируемых билингвальными коррелятами в рассматриваемых языках, реализация общего коммуникативного замысла. С точки зрения когнитивной лингвистики, интерпретативное моделирование вовлекает основные процессы категоризации и концептуализации, способы ментального представления фрагмента внеязыковой действительности и вербализацию денотативной ситуации разноуровневыми языковыми средствами [2, с. 56-57]. Одно и то же явление может иметь различные рефлексии в различных языках, которые по-своему членят и объединяют внеязыковую действительность, выделяют прототипические моменты, которые свойственны конкретному этноязыковому и лингвокультурному мышлению, и имеют свои наборы средств выражения этих значений и их группирования в каждом языке.

В этом плане мы разделяем основные положения работы Л. Талми [9], которая посвящена изучению кросслингвистических моделей лексикализации, т.е. изучению того, как определенные компоненты значения в одном языке регулярно ассоциируются с определенными морфемами в других языках. Эти ассоциации между

значением компонентов и особыми морфемами в другом языке – «поверхностными элементами», в терминологии Л. Талми, не являются одно-однозначными соответствиями между языковыми типами, но одной из множественных возможностей. Языки могут следовать различным стратегиям пакетирования значения: комбинация семантических элементов может быть выражена через один единственный поверхностный элемент, или один семантический элемент может иметь множественные поверхностные выражения в другом языке. Семантические элементы различных типов могут быть выражены подобным типом поверхностного элемента, так же, как и один тип – различными элементами [10, p. 21].

Одно и то же событие получает различные языковые формы выражения в различных языках [7; 11]. Интересно при этом, что объект референции можно описать в терминах двух когнитивных фреймов [8]. С одной стороны, это дискурсивный фрейм, который относится к действительному событию или опыту, который описывается, с другой, – типологический фрейм, т.е. это необходимые инструменты и ограничения, накладываемые на говорящего при выражении значения в определенном языке.

Глагол *can* имеет разномодульные значения, а его русскоязычные корреляты могут с различной степенью полноты и дифференциации семантических обертонов передавать эти значения. Соответствия, выражаемые средствами русского языка, могут ранжироваться от абсолютных модальных аналогов до элиминированных (нулевых) модальных значений. Для нас, однако, важно определить модели, при помощи которых английский и русский языки кодируют базисную модальную информацию, заключенную в концептуально-семантической области когнитивного фрейма, в лексические и синтаксические поверхностные структуры языка-цели.

Сплошная выборка из двуязычного подкорпуса НКРЯ позволила обнаружить следующие варианты переводческих соответствий: (1) одно-однозначное соответствие лексико-семантических средств выражения модальности (билингвальная синонимия); (2) частичное соответствие, при котором сохраняется тип модальности, но изменяются частеречевые категории и актуализации модальности и их структурно-синтаксические свойства в текстах языка-цели; (3) элиминация модального фона в текстах языка-цели. Первые два типа демонстрируют сохранение модального фона, при этом в типе (2) глагол получает переводческие замены средствами других частей речи и других структурных типов предложений. Можно отметить, что модальность, которая выражается и в первом, и во втором типах, может варьироваться по силе, направлению и качеству. В третьем типе соответствий при переводе с одного языка на другой стираются модальные значения, и на первый план выступают значения времени, перфективности и др. Рассмотрим подробнее указанные подтипы.

Группа 1. Абсолютная билингвальная лексико-семантическая синонимия

Тип соответствий можно назвать абсолютной билингвальной синонимией, когда в рамках единого модально-концептуального фрейма английский модальный глагол *can* с правосторонним сателлитом переводится «калькирующим» сочетанием на русский язык, т.е. сочетанием модального глагола и инфинитива. При переводе сохраняются значения всех элементов в обеих конструкциях.

1.1. Первый подтип фиксирует абсолютное лексико-синтаксическое соответствие по средствам выражения модальности. Модальному глаголу *can* соответствует эквивалент – модальный глагол русского языка «мочь» или глагол совершенного вида «смочь». Модальный глагол *can* употребляется с инфинитивом лексического глагола, и ему соответствует русскоязычный коррелят в форме модального глагола «мочь» и неопределенной формы смыслового глагола. Приведем некоторые примеры из НКРЯ [3].

Значение нижеприводимой фразы с модальным глаголом *can* отражает возможность субъекта речи, которая ограничена существующими ситуативными обстоятельствами. На самом деле, говорящий имеет знания, которые превышают объем информации, переданной им, но не имеет намерения или не может раскрыть информацию полностью по прагматическим соображениям.

«*That's all I can say now*», and yet even as he said it thinking that perhaps he had better not say that – that perhaps he had better say – well, what? (Th. Dreiser. *An American Tragedy*, book III, 1925) ↔ «Это все, что **я могу сказать**». И, говоря это, он уже думал, что, пожалуй, ему не следовало говорить так... может быть, лучше было бы сказать... но что? (Т. Драйзер. *Американская трагедия*. Ч. 3) (Н. Галь, З. Вершинина. 1948) [Там же].

В следующем приведенном микроконтексте выражается деонтическое значение побуждения к действию. Говорящий выражает полное безразличие к действию контрагента, позволяя ему делать, что он желает, так как, очевидно, что это речевое действие не принесет тому никаких реальных результатов.

«**Ты себе можешь божиться**, сколько хочешь», – отвечал зять (Н. В. Гоголь. *Мертвые души*, 1835-1852) ↔ «*You can swear that as much as you like*», retorted the other (N. Gogol. *Dead Souls*) (D. J. Hogarth. 1931) [Там же].

1.2. Лексическо-грамматический материал, находящийся в тексте, активизирует специфические соответствующие фреймовые структуры у переводчика. Лексическое содержание текста собирается в определенное видение мира и отображается в тексте. Переводчик может выявить когерентность текста на основании конкретного толкования фрейма [5, p. 122-124]. При этом возможны трансформации различного плана. При сохранении единой концептуальной структуры и лексико-семантических средств выражения модальности возможно пакетирование информации с изменением грамматической структуры предложения или грамматических форм.

Так, разрешение может концептуализироваться в русском языке побудительным предложением с модальным глаголом «мочь». В отличие от русского языка, в английском языке невозможно использование модального глагола *can* в императиве. Приведем пример.

«**Можете идти, господа**», – сказал он тем же негромким, но твердым голосом (Л. Н. Толстой. *Юность* (1856)) ↔ «*You can go, gentlemen*», he remarked in the same quiet, resolute voice (L. Tolstoy. *Youth*) (C. J. Hogarth. 1910-1935) [3].

В следующем примере модальный глагол *can* используется в сочетании с инфинитивом в пассивном залоге, в то время как в русском языке модальное значение возможности транслируется модальным глаголом «мочь» в активном залоге.

«Что ж, **вы можете** теперь за поход **получить** унтер-офицера, а на будущий год и прапорщика», – сказал я (Л. Н. Толстой. Из кавказских воспоминаний. Разжалованный. 1856) ↔ «*Well, you can be promoted a non-commissioned officer for this campaign, and next year an ensign*», said I. (L. Tolstoy. *An Old Acquaintance*) (N. H. Dole. 1887) [Там же].

В следующем контексте Носбег демонстрирует свою готовность осуществить в дальнейшем объяснение некоторых обстоятельств дела. Глагол *can* коррелирует с глаголом совершенного вида «смочь» в русском языке, который отсылает к действию в будущем времени. Объяснение представлено в невербальной форме, когда субъект, убирая свои маскарадные атрибуты и одеяния, раскрывает свою истинную идентичность, представляя в своем настоящем виде.

«*I think*», said old Nosebag quietly, «*that I can explain*». Slowly and very carefully he removes his beard, his grey wig, his dark spectacles, and the face of G. Abeson is disclosed. (V. Nabokov. *The Real Life of Sebastian Knight*. 1938) ↔ «Мне кажется, – говорит старина Носбэг безмятежным голосом, – **я смогу** кое-что **объяснить**». Медленно и аккуратно он снимает бороду, седой парик и темные очки, и перед нами предстает Г. Эбсон (В. Набоков. Истинная жизнь Себастьяна Найта) (А. Долинин, М. Мейлах. 1991) [Там же].

Ниже представлен пример глагола *can* в отрицательной форме. Персонаж утверждает свою неспособность вспомнить некоторые факты. Модальный глагол *can* имеет эквивалентную форму в виде модального глагола «мочь» в русском переводе, однако структура русского эквивалентного предложения допускает опущение личного местоимения первого лица.

«*I can't think of anything. Besides, when Scarlett gets mad, everybody knows it*» (M. Mitchell. *Gone with the Wind. Part 1*. 1936) ↔ «Ничего такого **не могу припомнить**. И притом, когда Скарлетт разозлится, это же сразу видно» (М. Митчелл. Унесённые ветром. Ч. 1) (Т. Озерская. 1982) [Там же].

Объективная возможность, которая в английском языке вербализуется формой настоящего времени глагола *can*, который не имеет перфективной формы, т.е. совершенного вида, в русском языке получает свое воплощение при помощи глагола совершенного вида «смочь» в сослагательном наклонении с отсылкой к будущему времени.

«*I don't know whether I can do that or not*» (Th. Dreiser. *An American Tragedy. Book I-II*. 1925) ↔ «Не знаю, **смогу ли я** что-нибудь сделать» (Т. Драйзер. Американская трагедия, ч. 1-2) (Н. Галь, З. Вершинина. 1948) [Там же].

Приведенные выше примеры билингвальной лексико-семантической синонимии в параллельных текстах свидетельствуют о том, что даже при сохранении типа модальности, выраженной модальными предикатами, английский и русский языки могут иметь различные лексико-семантические и синтактико-структурные предпочтения, которые выражаются как в разных актуализациях перфективности/неперфективности действия, залога (активный/пассивный), наклонения, так и в формах отсылки действия к различным временам, в частности – к будущему времени. Таким образом, даже семантическая аналогия модальности получает свою дифференциацию на системно-языковом уровне.

Группа 2. Частичное соответствие

Группа 2 подразделяется на две подгруппы: 1) контексты с сохранением модальности в модальных предикативах, но без модального глагола, с изменением структурно-семантического фрейма высказывания и 2) контексты с «немодальными» глаголами и выражениями.

2.1. Далее представлены контексты с билингвальными коррелятами: глагол *can* и наречия «можно», «возможно» и «может быть», в которых сохранена модальная линия. Русскоязычные наречные слова и выражения с модальными смыслами сами по себе не выражают ни признаки, ни состояния, а индексируют модальное отношение субъекта действия и действия как такового, которое актуализируется при помощи инфинитива смыслового глагола. Глагол *can* во втором лице с местоимением *you* при переводе получает лексико-грамматическую трансформацию в русском тексте: опускается личное местоимение второго лица и используется структура неопределенно-личного предложения с модальным предикативом «можно», связанным с инфинитивом смыслового глагола. «Можно» индексирует высокую степень прогнозируемости и предопределенности события или явления.

Приведем пример, в котором выражение *you can tell* ревербализуется в русском языке в неопределенно-личном предложении формой «можно предсказать». При этом сохраняется концептуально-фреймовая структура модальности возможности.

«*Look at that sunset. I never saw one redder. You can always tell weather by sunsets*» (M. Mitchell. *Gone with the Wind. Part 1*) ↔ «Погляди, какой закат – я никогда еще, по-моему, не видал такого красного солнца! Погоду всегда **можно предсказать** по закату» (М. Митчелл. Унесённые ветром. Ч. 1) (Т. Озерская. 1982) [Там же].

Полнопредикативная группа *as soon as you can* транслируется в русском языке эпистемическим наречием «возможно» с наречием образа действия «скорее». В примере наблюдается не только речечастное изменение, но и грамматическая трансформация перевода в языке-цели.

«*Find such a woman as soon as you can, bring her to Hunsford, and I will visit her*» (J. Austen. *Pride and Prejudice*. 1813) ↔ «Найдите себе **возможно скорее** подходящую жену, привезите ее в Хансфорд, и я нанесу ей визит» (Дж. Остин. Гордость и предубеждение) (И. С. Маршак. 1967) [Там же].

В нижеприведенном микроконтексте глагол *can* ревербализуется в русском языке с помощью эпистемического выражения «может быть» и лексического глагола в будущем времени («достану»).

«*And I'll see what I can do next week*» (*Th. Dreiser. An American Tragedy. Book I-II. 1925*) ↔ «На той неделе я, **может быть, достану** еще десять» (Т. Драйзер. Американская трагедия. Ч. 1-2) (Н. Галь, З. Вершинина. 1948) [Там же].

2.2. В ряде переводов с английского языка на русский наблюдаются опущение модального глагола и замена его на лексикализованные средства с элементами модальных значений: *can* ↔ 'суметь'; 'удаваться'; 'быть способным'; 'быть в состоянии'; 'быть готовым'; *cannot, can't* ↔ 'нельзя' (отриц. форма) и др. Часто можно отметить выраженную направленность действия на будущее время. В ряде случаев при этом осуществляются трансформации, которые выражаются формами наклонений, изменениями залога, синтаксической структуры предложения и др.

В следующем микроконтексте представлена пара 'I can explain' и 'сумею ли я объяснить'. С английским глаголом *can* в русском переводе коррелирует глагол имплицитивной предикации – глагол совершенного вида «суметь», значение которого указывает на личные возможности субъекта, который, тем не менее, имеет интенцию осуществить действие. В данное значение включена коннотация определенной степени реализации этих возможностей.

«*I don't know how much I can explain to you, though*» (*I. Asimov. The Gods Themselves. 1972*) ↔ «Правда, я не знаю, **сумею ли я объяснить** вам...» (А. Азимов. Сами боги) (Р. Рыбакова. 1975) [Там же].

Русский глагол «удаваться», который является глаголом совершенного вида, в своей компонентной структуре содержит семы «иметь намерение что-то сделать», «произвести попытку», модализованный компонент «представляться возможным» и «успешно осуществить действие», т.е. «получить возможность осуществить действие».

«*See if you can take it out, without my feeling it; as you saw them do, when we were at play this morning*» (*Ch. Dickens. Oliver Twist. 1838*) ↔ «Посмотрим, **удастся ли тебе его вытащить** так, чтобы я не заметил; утром ты видел, как они это делали, когда мы играли» (Ч. Диккенс. Оливер Твист) (А. В. Кривцова. 1938) [Там же].

Глагол *can* в примере ниже вербализует объективную способность иметь физические и когнитивные ресурсы, дающую возможность осуществить действие, что и представлено в коррелятивном трансляте предикативной формой ('быть способным осуществлять какую-нибудь деятельность'), в данном случае когнитивную – мыслительную и эмоциональную. В русском варианте автор не использует модальный глагол «мочь».

«*I can reason like a Rational and I can feel like an Emotional*» (*I. Asimov. The Gods Themselves. 1972*) ↔ «**Я способна мыслить**, как рационал, и **я способна чувствовать**, как эмоциональ» (А. Азимов. Сами боги) (Р. Рыбакова. 1975) [Там же].

Следующий перевод производится с использованием антонимических трансформаций, то есть концептуальная информация остается стабильной, но парафраз текста оригинала осуществляется оппозитивными по семантике и противоположными по структуре языковыми средствами в языке-цели. Модальному глаголу *can* в отрицательной форме соответствует эпистемическое наречие «верно», которое компенсирует потерю модального глагола.

«*When she saw the look on his face, she thought: «This can't be real»*» (M. Mitchell. *Gone with the Wind. Part 2. 1936*) ↔ Увидев выражение его лица, она подумала: «Все это, **верно**, сон» (М. Митчелл. Унесенные ветром. Ч. 2) (Т. Кудрявцева. 1982) [Там же].

Группа 3. Элиминация маркера модальности в русском языке

Третий подтип корреляций модального глагола *can* с русским переводом имеет асимметричный характер. Модальный глагол *can*, который выражает способность деятеля выполнить действие физического характера, подвергается трансформации опущения при переводе, а глагол-сателлит переводится смысловым глаголом на русский язык. В части примеров нами было обнаружено отсутствие индикаторов модальности в русских переводах.

Например, в следующих микроконтекстах, включающих глагольные структуры глагола *can* с глаголами чувств и восприятия, происходит опущение модального глагола в русском языке и демодализация возможности. Полнозначные лексические глаголы маркируют не способность видеть или чувствовать, а действие или состояние субъекта (он видит, он чувствует).

«*I know how you're nice to her. I can see! I can feel!*» (*Th. Dreiser. The Genius. Book I-II. 1915*) ↔ «Знаю я, как ты с ней говоришь! Я это **вижу!** Я это **чувствую!**» (Т. Драйзер. Гений. Ч. 1-2) (М. Волосов. 1930) [Там же].

При переводе часто реализуется передача значения возможности лексическими глаголами русского языка без использования модального глагола с глаголами когнитивной деятельности («понимать», «помнить» и др.). Структура глагола *can* с сателлитом-глаголом когнитивной деятельности (*understand, make it, remember*) переводится на русский язык предикатом, выражающим когнитивную деятельность. При этом отсутствует модализация, а все предложение фиксирует в настоящем времени ситуацию, происходящую в момент речи, например:

«*Can't you see how much better off he'll be, growing up away from all that until he's ready to take it?*» (*J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. 1997*) ↔ «**Разве не понимаете**, насколько ему же самому будет лучше, если он вырастет в стороне от подобной шумихи и узнает правду тогда, когда будет в состоянии сам во всем разобраться?» (Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень) (М. Спивак. 2001) [Там же].

Многие случаи опущения модальности при переводе связаны с актуализацией значения будущего времени, которое в имплицитной форме содержится в исходном модальном глаголе *can*. Различия возникают в результате асимметрии когнитивной организации семантической информации и поверхностной ревербализации. Лексический глагол русского языка имеет форму будущего времени, это глагол совершенного вида, как это показано в нижеприведенном примере.

Fache's tone was cold. «If you arrest them, Lieutenant Collet, then I can ask them personally» (D. Brown. The Da Vinci Code. 2003) ↔ «Вот арестуете их, лейтенант, тогда я их сам спрошу, лично», – ледяным тоном ответил Фаш (Д. Браун. Код Да Винчи) (Н. Рейн. 2004) [Там же].

В некоторых случаях возможно кардинальное изменение синтаксических категорий и структуры предложения. Так, следующий русскоязычный пример имеет опущение модального глагола, и в нем используется императив лексического глагола, который маркирует возможность в рамках всех возможных миров. В английском переводе коррелятивная структура с глаголом *can* используется в утвердительном предложении.

«А паутину-то я всю с потолка сняла; теперь **хоть женись**, гостей созывай, так в ту ж пору...» (Ф. М. Достоевский. Белые ночи, 1848) ↔ «I have taken all the cobwebs off the ceiling; **you can have a wedding or give a party» (F. Dostoevsky. White Nights) (Constance Garnett. 1918) [Там же].**

В следующих примерах имеется пара «Cannot ↔ лексический глагол в русском языке». Глагол *can* используется в отрицательной форме в утвердительном предложении с местоимением *you*. В русском языке ему соответствует лексический глагол русского языка в будущем времени в отрицательной форме с опущением местоимения.

«Полно врать, Иван Кузмич, – прервала комендантша; ты, знать, хочешь собрать совещание, да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; **да лих не проведешь!**» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка. 1836) ↔ «Silence! silence!» – interrupted his wife; «you are going to call another council and talk in my absence of Imiliane Pougatcheff, but this time **you cannot deceive me» (A. Pushkin. Marie: a Story of Russian Love) (M. H. de Zielinska. 1877) [Там же].**

Антонимичный перевод может осуществляться при помощи инфинитива смыслового глагола.

«Scarlett! Scarlett! **Can't I make you see that a marriage can't go on in any sort of peace unless the two people are alike?» (M. Mitchell. Gone with the Wind, Part 2, 1936) ↔ «Ах, Скарлетт, Скарлетт! Как мне убедить вас, что брак не может принести счастья, если муж и жена совсем разные люди!» (М. Митчелл. Унесённые ветром, ч. 2) (Т. Кудрявцева, 1982) [Там же].**

В следующем микроконтексте глагольной структуре «can + лексический глагол» соответствует русскоязычная ревербализация с опущением модального глагола и лексическим глаголом русского языка в возвратной форме с вектором действия, направленным на будущее время. Русский перевод имеет негативную полярную направленность.

«Be seated somewhere; and until you **can speak pleasantly, remain silent» (Ch. Brontë. Jane Eyre. 1847) ↔ «Сядь где-нибудь и, пока не **научишься быть вежливой**, молчи» (Ш. Бронте. Джейн Эйр) (В. Станевич. 1950) [Там же].**

В ходе логико-семантического и контекстуального анализа переводческих соответствий нами были установлены также случаи модуляции прототипического модального значения *can* в отрицательной форме (*can't*). Оказывается, помимо значения невозможности, он имеет значение долженствования, а именно – выражения уверенности в том, что что-то не произойдет, что и было отражено в тексте перевода на русский язык.

«I mustn't think of it now, or I'll begin screaming in front of all these people. **I can't think now» (M. Mitchell. Gone with the Wind, Part 2, 1936) ↔ «Нет, нельзя думать об этом, не то я закричу на весь полный людей дом. Я **не должна думать** об этом сейчас» (М. Митчелл. Унесённые ветром, ч. 2) (Т. Кудрявцева. 1982) [Там же].**

Анализ высказываний с глаголом *can* и его переводческих коррелятов в русском языке обнаружил ряд интересных результатов. Важные различия были выявлены в концептуализациях модальности, выраженной лексико-семантическими вариантами глагола *can*, и их трансляте на русский язык. В текстах-источниках и в текстах-цели проявляется неравнозначность степени и глубины модализации значения в английском и русском языках как результат размытости и неоднозначности динамических, эпистемических и деонтических значений глагола *can*. Это подтверждает значимость лексической перспективы при анализе любой единицы языка, поскольку только лексически индивидуализированный анализ предоставит данные о специфических функциях того или иного лексико-семантического варианта модального глагола *can*, его использовании и степени грамматикализации.

Анализ билингвальных соответствий показал, что в художественных текстах преобладает перевод без дискретных показателей модальности оригинала – личным глаголом. Случай опущения модального глагола в переводе свидетельствует о том, что в высказывании часто выделяется не модальный компонент, а, возможно, аспекты времени, наклонения и пр.

Список литературы

1. Красных В. В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1-3 июня 2000): тезисы докладов. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 128-129.
2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкратц Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1996. 245 с.
3. Национальный Корпус Русского Языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.09.2016).
4. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 112 с.
5. Fillmore Ch. J. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111-137.
6. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
7. Sapir E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality / ed. by D. G. Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1924. 646 p.

8. **Slobin D. I.** Two Ways to travel: Verbs of Motion in English and Spanish // Grammatical Constructions. Their Form and Meaning / M. Shibatani, S. A. Thompson (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 195-219.
9. **Talmy L.** Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Semantic Description / T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. P. 36-149.
10. **Talmy L.** Toward a Cognitive Semantics. Cambridge (Mass.) – L.: MIT press, 2001. Vol. II: Typology and Process in Concept Structuring. 495 p.
11. **Whorf B. L.** Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / ed. by J. B. Carroll. N. Y.: Technology Press of MIT, 1956. 306 p.

**TRANSLATION STRATEGIES IN REVERBALIZATION OF MODALITY TYPES
OF THE VERB CAN, EXPRESSED BY LINGUISTIC MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Miriskaeva Kalisat Shakhidovna

*Pyatigorsk State University
kalisat.miriskaeva@mail.ru*

The article systematizes the ways to translate the meanings of the verb can into Russian. It determines the means of lexicalization of the modal trajectories of the verb can in Russian and carries out cross-linguistic comparisons of its modal meanings with its “translates” by the material of the bilingual section of the Russian National Corpus. The research results show that the initial meanings of the modal verb can are implemented in the Russian language with the help of language units, belonging to the different levels and related to the modal functional field of capability.

Key words and phrases: modality; cross-linguistic lexicalization models; linguistic typology; translation; the English language; the Russian language.

УДК 81'44

This paper discusses differences in term formation of logistics terminology in English, German and Russian. In logistics terminology there are three main ways to form new terms: the use of existing resources, the modification of existing resources and the creation of new linguistic entities. Using of existing resources includes concept extension and metaphor. The most common method for naming new concepts is modifying existing terms by derivation, compounding, creating phrasal terms, conversion, compression (abbreviation, acronymy). Many logistics terms in German are borrowings from English and in Russian loan translations (calques) from English.

Key words and phrases: logistics terminology; term formation; compounding; conversion; compression; loanwords; loan translations.

Myuller Yuliya Eduardovna, Ph. D. in Philology

*Moscow State Institute of International Relations (University)
julia.mueller@inbox.ru*

TERM FORMATION IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LOGISTICS TERMINOLOGY

New terms for new objects, parts of objects, concepts and processes constantly appear in all sciences and technologies. Term formation is the process of naming the concepts required by a special language community for the development of cognitive processes and professional communication. It differs from the general word formation in its greater social importance for professional communication and transmission of knowledge. Term formation can consist in the invention of new lexemes which is an extremely rare way of terminological naming. Usually term formation relies on existing lexemes and patterns. In logistics terminology of German, English and Russian there are three main ways to form new terms: the use of existing resources, the modification of existing resources and the creation of new linguistic entities.

1. Use of Existing Resources

Concept extension widens the meaning of an existing lexeme or a term to embrace that of a new concept. So, the German term “Logistik” with the original meaning „(Militär)Planung, Bereitstellung und Einsatz der für militärische Zwecke erforderlichen Mittel und Dienstleistungen zur Unterstützung der Streitkräfte; Versorgung... einer Truppe“ [7, p. 963] was extended and now refers to all the processes of planning, implementing and controlling the effective and efficient flow of goods and services from the original location to the point of consumption: „Gesamtheit aller Aktivitäten eines Unternehmens, die die Beschaffung, die Lagerung und den Transport von Materialien und Zwischenprodukten, die Auslieferung von Fertigprodukten, also den gesamten Fluss von Material, Energie und Produkt betreffen“ [Ibidem].

The German word „Bedarf“ with the original meaning “das in einer bestimmten Lage benötigte, Gewünschte, Nachfrage nach etw”. became a term of logistics with the definition „die Quantität / Menge von Materialien bzw. Erzeugnissen, die innerhalb eines bestimmten Zeitraumes an die verbrauchenden bzw. produzierenden Stellen des Unternehmens abgegeben wird“ [11, p. 193].